

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА NE BIS IN IDEM В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Александра Скуратова*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-29-44

Введение. Для института уголовной ответственности индивида характерен ряд принципов, характеризующих и уточняющих его международно-правовое содержание. В данной статье научное внимание сконцентрировано на принципе запрета повторного осуждения лица за одно и то же преступление (*ne bis in idem*). В контексте исследования представляется целесообразным рассмотреть не только процесс закрепления на международно-правовом уровне указанного принципа, но и особенности его содержания, правовой природы, а также выявить те проблемы, которые возникают в ходе правоприменительной практики. С учетом появления органов международного уголовного правосудия, функционирующих наряду с национальными судебными системами, вопрос о риске повторного привлечения к ответственности лица приобретает особую значимость.

Материалы и методы. В основе проведенного исследования лежат следующие общенаучные и специальные методы познания: системный, сравнительно-правовой, историко-правовой, метод логического и структурного анализа.

Результаты исследования. Проведенный анализ международно-правовой основы регулирования, доктринальных исследований и правоприменительной практики позволил выявить различия в содержании принципа *ne bis in idem* в учредительных актах органов международного уголовного правосудия *ad hoc* и в Римском статуте Международного уголовного суда. Обозначены проблемы применения принципа *ne bis in idem* в практике МУС в деле Ж. Катанга, конкретно, в контексте толкования Судом ст. 108 Римского статута, что позволяет сделать о фактическом нарушении указанного принципа.

Обсуждение и заключение. Анализ юридической основы принципа *ne bis in idem* дает основание для констатации, что безусловный характер он имеет только в рамках юрисдикции одного государства, но не распространяется автоматически на решения, вынесенные иностранными судебными органами. Что касается международного уголовного правосудия – здесь принцип *ne bis in idem* в большей степени имеет роль регулятора, определяющего выбор в пользу юрисдикции той или иной юрисдикции, нежели гаранта защиты прав обвиняемого.

* Скуратова Александра Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: a.skuratova@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0001-8513-8719

Введение

Институт уголовной ответственности индивида сущностно связан с категорией «справедливость», которая, будучи одновременно одной из целей этого принципа (в контексте справедливого наказания лица за совершенное преступление), является в то же время и специфической юридической гарантией, воплощенной в правовых ограничениях, не позволяющим судебным органам произвольно осуществлять репрессивную или карательную функцию в отношении индивида. Запрет на повторное осуждение лица за одно и то же преступление «является конкретизацией общеправового принципа справедливости и направлен на обеспечение правовой безопасности и правовой стабильности» [8. С. 67].

Исследование

Наряду с принципом законности, запрета придания закону обратной силы цели справедливого судебного разбирательства служит и нормативное закрепление принципа *ne bis in idem* («нельзя судить дважды за одно и то же деяние» или буквально «не дважды за одно и то же»), восходящее своими истоками еще к римскому праву. Встречающиеся в документах и доктринальных исследованиях формулировки «*ne bis in idem*» и «*non bis in idem*» являются синонимичными, равнозначными. Как отмечала Комиссия международного права ООН, «лицо, которое было надлежащим образом судимо и осуждено за то или иное преступление, должно быть лишь единожды подвергнуто наказанию, соразмерному тяжести преступления. Повторное назначение такого наказания в отношении этого лица за то же преступление будет означать превышение требований правосудия. Если же лицо, судимое надлежащим образом, было оправдано, оно не должно необоснованно снова нести все тяготы уголовного преследования»¹. Классическая правовая доктрина понимает принцип права как основополагающее начало и *ne bis in idem* рассматривает двойю: в материально-правовом аспекте как запрет привлечения лица к ответственности за одно и то же правонарушение; в процессуально-правовом аспекте как недопусти-

мость принятия повторного решения по ранее рассмотренному делу [6. С. 78].

Исходя из того, что принцип *ne bis in idem* получил закрепление как на международно-правовом, так и на национальном уровне в подавляющем большинстве государств, можно констатировать, что он присущ большинству правовых систем; это позволяет рассматривать его в качестве общего принципа права [14. Р. 319; 29. Р. 780], обладающего качествами императивной нормы международного права, «принятой в каждом государстве в интересах обеспечения права индивида на судебную и иную защиту и вместе с тем признанной международным сообществом государств в интересах поддержания единого правопорядка» [1. С. 86-87].

Как и в случае с иными принципами уголовной ответственности, принцип запрета на повторное привлечение к ответственности за одно деяние нашел отражение сперва на национально-правовом уровне и затем был закреплен в международном праве [13. Р. 11-107]. Отсюда логично следует вывод, что данный принцип имеет два аспекта – внутригосударственный и международный. В первом случае речь идет о защите лица от повторного осуждения в рамках одного и того же государства, во втором – о повторном осуждении, которое может осуществлять другое государство, либо орган международного уголовного правосудия. Отсюда и различия в терминологии. Формулировка принципа *ne bis in idem* характерна для стран романо-германской правовой системы, поскольку берет свои истоки еще из римского права («*Nemo debet bis vexari pro una et eadem causa*»). В англо-саксонской доктрине это положение получило наименование клаузулы о «двойной угрозе», или «двойной опасности» («*double jeopardy*») – риск привлечения к ответственности дважды за одно и то же деяние [17. Р. 624-641]. Оба принципа имеют схожее содержание, но при этом не являются тождественными друг другу. Принцип «*double jeopardy*» толкуется как запрещающий повторное рассмотрение дела в рамках одной судебной системы, хоть и на различных стадиях уголовного процесса; принцип *ne bis in idem* предполагает более широкий охват – запрет на рассмотрение дела в рамках той же или другой юрисдикции, т.е. именно принцип *ne bis in idem* предполагает запрет такой ситуации, когда

¹ Ежегодник Комиссии международного права, 1996. Том II, ч. 2. Нью-Йорк, Женева, 2004. С. 46.

одно лицо может быть привлечено за одно и то же деяние и в рамках национальной судебной системы, и международным судебным органом, поэтому в международном праве нашла закрепление именно латинская формулировка «ne bis in idem» [2. С. 296]. На это отличие обращалось внимание в ходе правоприменительной практики органов международного уголовного правосудия [25. Р. 94].

Что касается внутрисударственного аспекта, то принцип запрета повторного привлечения к ответственности отражен, как правило, в национальном законодательстве – в конституции или уголовном законодательстве. В России принцип ne bis in idem закреплен в ч. 1 ст. 50 Конституции («Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление») и в ч. 2 ст. 6 Уголовного Кодекса РФ («Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление») в качестве одного из существенных начал принципа справедливости. Согласно V поправке к Конституции США ни одно лицо не должно за одно и то же преступление дважды подвергаться угрозе (отсюда – «double jeopardy») – двойная угроза) лишения жизни или телесного наказания. В решении по делу North Carolina v. Pearce Верховный суд США разъяснил, что клаузула предоставляет гражданину три формы конституционной защиты: от повторного уголовного преследования за одно и то же преступление после вынесения оправдательного приговора; от повторного уголовного преследования за одно и то же преступление после вынесения обвинительного приговора; от многократных наказаний за одно и то же преступление [7. С. 20].

Среди международно-правовых актов, в которых нашел свое закрепление принцип ne bis in idem, отметим документы как универсального, так и регионального характера. К первым можно отнести Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (п. 7 ст. 14), Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов 1977 г. (пп. h п. 4 ст. 75), проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. (ст. 12), Римский статут Международного

уголовного суда (ст. 20), Устав МТБЮ (ст. 10), Устав МТР (ст. 9), Устав Специального суда по Сьерра-Леоне (ст. 9), Устав Специального трибунала по Ливану (ст. 5).

Во вторую группу входит Протокол № 7 к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 г. (ст. 4), Американская конвенция о защите прав человека 1969 г. (пакт Сан-Хосе) (п. 4 ст. 8), Конвенция СНГ об основных правах и свободах человека 1995 г. (п. 2 ст. 7), Хартия ЕС об основных правах 2000 г. (ст. 50), Декларация о правах человека АСЕАН 2012 г. (п. 2 ст. 20), Конвенция о применении Шенгенского соглашения 1985 г. о постепенной отмене проверок на общих границах (глава 3, ст. 54-58).

Так, п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. предусматривает: «Никто не может быть повторно судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным законодательством каждого государства». Иные документы в области прав человека в той или иной степени ориентированы на эту формулировку при некоторых терминологических нюансах. Акцент в данном случае сделан на исключении возможности привлечения лица к уголовной ответственности в рамках одного государства; вопрос о том, допустимо ли повторное привлечение к ответственности лица, если оно было осуждено (или оправдано по итогам процесса) за то же деяние в другом государстве, напрямую не затрагивается, а значит, не запрещается³, что позволяет констатировать, что принцип ne bis in idem, несмотря на его практически всеобщее признание, безусловно применим только в рамках одной юрисдикции [11. Р. 41]. Это вполне объяснимо, поскольку универсальный подход к этому вопросу не сложился и государства решают его в отдельном порядке, как правило – посредством заключения договоров о правовой помощи и выдаче, содержащих в качестве основания для отказа в выдаче или в оказании правовой помощи наличие вступившего в силу приговора или постановления о прекращении производства по делу в отношении лица, выдача которого запрашивается. Так, например, ст. 9 Европейской конвенции

² Эта позиция была сформулирована Комитетом по правам человека в 1986 г. в деле A.P. v. Italy, указавшем, что правило ne bis in idem гарантируется только в рамках одной судебной системы и неприменимо по отношению к юрисдикции двух или более государств (Communication No.204/1986, CCPR/C/31/D/204/1986, para. 73.).

о выдаче 1957 г. («non bis in idem») предусматривает, что выдача не осуществляется, если компетентные органы запрашиваемой стороны вынесли окончательное решение в отношении лица, требуемого в связи с преступлением (преступлениями), по поводу которых запрашивается выдача. Схожие положения отражены в п. «в» ст. 57 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам, часть V которой посвящена принципу *ne bis in idem*, а также находят закрепление в двусторонних договорах между государствами.

Таким образом, договоры о правах человека исключают возможность привлечения индивида к уголовной ответственности в рамках юрисдикции одного государства, а договоры о правовой помощи и выдаче содержат условия для реализации этого принципа в отношении юрисдикций двух и более государств [7. С. 19]. В целом законодательная практика государств в вопросе признания иностранных судебных решений характеризуется неоднородностью и имеет широкий диапазон – «от полного непризнания судебных решений до практически полного их признания» [10. Р. 67]. Так, например, США и Нидерланды признают правило *res judicata*, в Бельгии, наоборот, разрешено начинать уголовное преследование за преступление, по которому иностранный суд вынес обвинительный или оправдательный приговор. Тот же подход действует в Германии, Австрии, во Франции. Этот подход, впрочем, имеет некоторые нюансы, прежде всего исходя из различных аспектов: характера преступления (правонарушения), на территории какого государства оно было совершено, что понимать под «окончательным решением», был ли приговор приведен в исполнение [29. Р. 783–784]. На доктринальном уровне озвучивалась инициатива в пользу расширения сферы действия принципа признания его транснационального характера, согласно которому государства распространяют этот принцип не только на свою юрисдикцию, но и на юрисдикцию других государств, однако это предложение не нашло существенной поддержки [19. Р. 477–499].

Что касается документов в области международного уголовного права, то принцип *ne bis in idem* в их положениях регламентируется в большей степени с точки зрения возможного соотношения судебного преследования лица в рамках национальных органов с преследованием на международно-правовом уровне и в целом в аспекте допустимости такого «дублирования» [28. Р. 195–216]. Так, например, ст. 12 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., предусматривает:

1. Никто не должен быть судим за преступление против мира и безопасности человечества, за совершение которого данное лицо уже было окончательно осуждено или оправдано международным уголовным судом.

2. Лицо не может быть вновь привлечено, судимо за преступление, за которое оно уже было окончательно осуждено или оправдано³ национальным судом, за исключением следующих случаев:

a) в случае международного уголовного суда, если:

i) деяние, которое являлось основанием для приговора, вынесенного национальным судом, было квалифицировано этим судом как обычное преступление, а не как преступление против мира и безопасности человечества; или

ii) судебное разбирательство в национальном суде не являлось беспристрастным или независимым, или преследовало цель укрыть обвиняемого от международной уголовной ответственности или если дело не велось с должной тщательностью;

b) в случае национального суда другого государства, если:

i) деяние, которое являлось основанием для ранее вынесенного приговора, имело место на территории данного государства; или

ii) данное государство явилось основной жертвой преступления.

3. В случае повторного осуждения в соответствии с настоящим Кодексом суд при вынесении приговора засчитывает ту часть срока наказания, которое уже отбыло это лицо по приговору национального суда за то же деяние.

³ Термины «окончательно осуждено или оправдано» используются в п. 1 и 2 ст. 12 для указания на то, что принцип *non bis in idem* будет применяться только к окончательному решению по существу обвинений, не подлежащему дальнейшему обжалованию или пересмотру. При этом термин «оправдано» относится к факту оправдания на основании вынесения по существу дела приговора, но не в результате прекращения дела в отношении нарушителя.

Указанная формулировка, по мнению Комиссии, воплощает искомое равновесие между необходимостью сохранения в максимально возможной степени целостности принципа non bis in idem и требованиями, касающимися надлежащего отправления правосудия⁴. Этот баланс имеет существенное значение, поскольку предусмотренная проектом Кодекса потенциально совпадающая юрисдикция международных и национальных судебных органов открывает возможность того, что лицо не один раз может быть привлечено к уголовной ответственности и понести наказание.

Именно это предопределяет смещение фокуса рассмотрения значения принципа ne bis in idem в первую очередь в качестве регулятора, определяющего выбор в пользу юрисдикции того или иного судебного органа - при одновременном наличии юрисдикции у национальных судебных органов и органа международного уголовного правосудия, и только во вторую очередь в качестве гаранта защиты прав обвиняемого. Это не умаляет защитной роли этого принципа, но главным образом принцип ne bis in idem выступает в данном случае «в качестве механизма рационального распределения юрисдикции» [12. P. 864].

Статья 12 проекта Кодекса предусматривает различные юридические варианты реализации принципа non bis in idem.

Первый вариант - лицо уже было судимо за преступление, охватываемое Кодексом, международным уголовным судом⁵ и при этом было осуждено или оправдано. В таком случае принцип non bis in idem применяется в полной мере, без каких-либо исключений: указанное лицо не может быть повторно судимо за то же преступление любым другим судом, будь то национальным или международным.

Второй вариант - лицо уже претерпело судебное разбирательство в национальном суде. В отличие от предыдущего данный вариант предполагает множественность вариаций дальнейшего развития ситуации. Согласно общему правилу, государство или

орган международной уголовной юстиции может учесть наказание, наложенное другим государством; в таком случае будет в полной мере реализован принцип ne bis in idem. Эту ситуацию можно условно обозначить «идеальной», не отягощенной какими-либо проблемами. Однако из этого общего правила предусмотрены исключения, которые предполагают возможность существования некоего «негативного элемента». Такие исключения могут явиться основанием для повторного рассмотрения вопроса о виновности лица за то же деяние как судебными органами другого государства, так и на международном уровне.

Если лицо претерпело судебное разбирательство в национальном суде, то вопрос о том, может ли оно повторно предстать перед органом международного уголовного правосудия, напрямую увязан с наличием условий: национальным судом была дана «упрощенная» квалификация деяния (например, деяние было квалифицировано в качестве общеуголовного преступления - убийства, но не в качестве преступления против человечности) или - иной вариант - в государстве был проведен фиктивный процесс с целью оградить лицо от ответственности с последующей ссылкой на принцип ne bis in idem. Фиктивный процесс может быть нацелен на вынесение оправдательного приговора или назначение слишком мягкого (несоразмерного деянию) наказания, которое бы позволило лицу избежать осуждения или более строгого наказания в другом государстве.

Основания, дающие другому государству не принимать в расчет судебное решение другого государства и самостоятельно (при этом - повторно) решать вопрос о виновности лица и определении ему меры наказания, указанные в пп. b п. 2 ст. 12 проекта Кодекса, требуют, чтобы государство было непосредственно затронуто совершенным преступлением⁶. Указанные государства (и то, на чьей территории произошло преступление, и «затронутое» им государство) имеют право возбудить повторное судебное

⁴ Ежегодник Комиссии международного права, 1996. Том II, ч. 2. Нью-Йорк, Женева, 2004. С. 46.

⁵ В силу того, что проект Кодекса был принят раньше, чем учрежден Международный уголовный суд, указания именно на этот орган нет. Вместе с тем Комиссия - как орган, работавший над проектом текста учредительного договора МУС, - очевидно имела в виду именно его.

⁶ Под государством, явившимся «основной жертвой преступления» понимается государство, чьи граждане стали основными жертвами преступления или интересы которого были непосредственно и существенным образом затронуты; ему наносится более значительный и прямой ущерб в результате совершенного преступления по сравнению с другими государствами.

преследование в случае, если они полагают, что принятое ранее решение не соответствует надлежащей оценке совершенных деяний или их тяжести, но ни одно из них не обязано делать этого, если они удовлетворены тем, каким образом правосудие было совершено⁷.

По мнению А.Г. Кибальника, исключение, предусмотренное проектом Кодекса, «не имеет под собой формально-юридических оснований, так как негативная юридическая оценка деянию уже содержится в обвинительном приговоре другого суда. «Повторное признание виновным другим судом всего лишь требует учета меры наказания, вынесенной первым судом, и такие нормативные установления прямо противоречат действующим международным нормам. Так, например, в соответствии с Европейской конвенцией о передаче судопроизводства по уголовным делам (1972 г.), лицо, в отношении которого вынесен окончательный приговор, не может за то же самое деяние ни преследоваться, ни быть приговоренным, ни подвергнуться наказанию в другом государстве» [3. С. 64].

При этом Комиссией международного права ООН было отмечено, что международное право не обязывает государства признавать решение по уголовному делу, принятое в иностранном государстве. Комиссия, очевидно, в данном контексте имела в виду отсутствие такой международно-правовой нормы о признании иностранных судебных решений на универсальном уровне. Созвучное мнение высказывается и в доктрине: «большинство государств не позволяют своей судебной власти несколько раз действовать *in idem*, но они никоим образом не устанавливают признание иностранных судебных решений *in idem*. Как представляется, не существует общего правила: государства могут принять решение о признании иностранных решений на основе определенных условий и, следовательно, могут заключать двусторонние соглашения в этом отношении, но общей системы защиты, по видимому, как таковой не существует» [12. Р. 865].

Принцип *ne bis in idem* закреплен и в учредительных актах органов международного уголовного правосудия. Создание таких институтов остро поставило вопрос о соответствии этому принципу с учетом того, что и трибуналы *ad hoc* и созданный

позднее постоянно действующий Международный уголовный суд функционируют наряду с национальными судебными системами. Положения ст. 9 Устава Международного трибунала по Руанде (МТР), ст. 10 Устава по бывшей Югославии (МТБЮ), ст. 9 Устава Специального суда по Сьерра-Леоне (СССЛ), ст. 5 Устава Специального трибунала по Ливану (СТЛ) в целом содержат тождественные формулировки принципа *ne bis in idem*, согласно которому никакое лицо не может быть судимо никаким национальным судом за серьезные нарушения международного гуманитарного права, за которое оно уже предстало перед соответствующим трибуналом *ad hoc*. Однако этот принцип защищает индивида лишь в ограниченной степени: гарантия не быть судимым дважды за одно и то же деяние не является абсолютной, если только первое решение не было вынесено соответствующим международным трибуналом. Если же лицо было осуждено национальным судом, то оно может быть впоследствии судимо в трибуналах только в случаях, если:

а) деяние, за которое оно было осуждено, было квалифицировано как обычное преступление; или

б) судебное разбирательство в национальном суде не было беспристрастным и независимым, предназначалось для того, чтобы оградить обвиняемого от международной уголовной ответственности, или же дело не было расследовано должным образом или проводилось необстоятельно.

Таким образом, можно констатировать, что уставы трибуналов *ad hoc* закрепляют некоторые возможные ограничения принципа *ne bis in idem* в интересах международного правосудия [2. С. 297].

Принцип *ne bis in idem* закреплен и в Римском статуте, но примечательно, что он стоит особняком – отдельно от других принципов – в части 2 Римского статута («Юрисдикция, приемлемость, применимое право»), тогда как иные принципы сгруппированы в части 3 («Общие принципы уголовного права»). Это «необычное расположение» [9. Р. 3] принципа *ne bis in idem* подтверждает ранее обозначенный выше тезис, что указанный принцип в большей степени рассматривается не в качестве «защитного» положения для индивида, но в качестве ответа на вопрос: в пользу какой юрисдикции (международного органа или национального судебного

⁷ Ежегодник Комиссии международного права, 1996. Том II, ч. 2. Нью-Йорк, Женева, 2004. С. 47–48.

органа) будет сделан выбор в каждом конкретном случае. В доктрине встречается образное сравнение данного принципа со стрелками железнодорожных путей – именно от них зависит направление дальнейшего движения поезда (в данном случае – направление в сторону национального судопроизводства или же международного) [12. Р. 863]. В этом случае на первый план выходит уже не принцип справедливости применительно к индивиду, но принцип неотвратимости наказания, а также цели, обозначенные в Статуте – не оставить безнаказанными самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, обеспечить их действенное преследование и тем самым способствовать предупреждению подобных преступлений.

Правило *ne bis in idem* содержится в ст. 20 Римского статута в следующей формулировке:

- никакое лицо не может быть судимо Судом за деяние, в отношении которого данное лицо было признано виновным или оправдано Судом.

- никакое лицо не может быть судимо никаким другим судом за преступление, в связи с которым это лицо уже было признано виновным или оправдано Судом.

- никакое лицо, которое было судимо другим судом, не может быть судимо Судом за то же деяние, за исключением случаев, когда разбирательство в другом суде:

- а) предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда; или

- б) по иным признакам не было проведено независимо или беспристрастно в соответствии с нормами надлежащей законной процедуры, признанными международным правом, и проводилось таким образом, что, в существующих обстоятельствах, не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию.

Таким образом, можно констатировать, что формулировка принципа *ne bis in idem* в Римском статуте не является тождественной изложенным в учредительных актах международных трибуналов *ad hoc*, имеет ряд особенностей [16. Р. 351–383], что позволяет некоторым авторам обозначать природу этого принципа в Статуте как *sui generis* [11. Р. 42]. На основе сопоставления формулировок принципа *ne bis in idem* в Римском статуте МУС и учредительных актах трибуналов *ad hoc* можно выявить следующие различия:

- согласно положениям учредительных актов трибунала лицо не может быть судимо национальным судом за те же деяния, если оно уже за них было судимо трибуналами. Римский статут термин «судимо» трактует шире и указывает, что лицо могло Судом быть признано виновным или оправдано;

- уставы трибуналов предусматривают возможность повторного привлечения к ответственности *in idem* в рамках трибуналов в случае, если деяние было квалифицировано как обычное преступление. Римский статут подобного основания для повторного осуждения не содержит;

- принцип *ne bis in idem* в Римском статуте распространяется только на четыре категории преступлений, указанных в ст. 5, но неприменим к преступлениям против отправлений правосудия, которые также входят в юрисдикцию Суда, но не указаны в ст. 5.

Как вытекает из смысла ст. 20 Статута безусловно признается *res judicata* только применительно к решениям МУС, этот же принцип не распространяется на решения, вынесенные национальными судебными органами [10. Р. 69]. В силу того, что принцип *ne bis in idem* сущностно связан с категорией «справедливость», положениями Статута предусмотрены прямые исключения из этого принципа по причине «несправедливого» применения уголовного права или отсутствия некоторых необходимых компонентов судебного процесса (независимости, беспристрастности, подлинного намерения привлечь обвиняемого к ответственности). При этом наличие или отсутствие оснований для применения этих исключительных положений находятся полностью на усмотрении Суда. Подобное положение юридически допустимо, так как основанием повторного предания суду (но уже международному) является факт неосуждения лица национальным судом за предположительно совершенное им преступление. Действительно, рассматриваемый принцип подразумевает в итоге не невозможность повторного предания суду за совершенное преступление, а невозможность факта повторного осуждения лица за одно и то же преступление [3. С. 63–64].

Таким образом, учредительными актами органов международной уголовной юстиции был выработан своеобразный правовой компромисс: судебное преследование осуществляется ими на основе принципа *ne bis in idem*, но наряду с этим предусмотрены

условия, чтобы такой принцип сам по себе не стал способом обойти ответственность за счет проведения фиктивного уголовного процесса в том или ином государстве с целью избежания ответственности и наказания, при этом презюмируется, что процесс, проведенный в рамках МУС, не будет иметь никаких изъятий, потенциально возможных в национальных судах, что и предопределяет значение решения МУС как *res judicata*.

Важным аспектом в контексте рассмотрения принципа запрета на повторное привлечение к ответственности является вопрос о соотношении юрисдикции национальных судебных органов и органов международной уголовной юстиции. Уставы международных трибуналов устанавливают соотношение их юрисдикции с юрисдикцией национальных судебных органов. С одной стороны, международные трибуналы и национальные суды имеют параллельную юрисдикцию в отношении судебного преследования лиц, совершивших преступления, зафиксированных в Уставе. С другой стороны, юрисдикция международных трибуналов имеет приоритет (или верховенство) по отношению к юрисдикции национальных судов. Это выражается в том, что на любом этапе судебного разбирательства соответствующий международный трибунал может официально просить национальные суды передать ему производство по делу (ст. 9 Устава МТБЮ, ст. 8 Устава МТР, ст. 4 Устава СТЛ, ст. 8 Устава СССЛ). Так, например, правом на приоритетное рассмотрение дела МТБЮ воспользовался в 1994 г. в отношении дела Д.Тадича - уголовное дело в отношении обвиняемого находилось на рассмотрении в германском суде (была завершена стадия предварительного расследования), но после получения официального запроса данное дело было передано Германией для рассмотрения международным трибуналом. В связи с такой передачей дела в трибунал подсудимый утверждал, что тем самым нарушается его право не привлекаться к ответственности за одно и то же дважды⁸, однако трибунал указал, что этот принцип не нарушен в силу того, что в Германии не было вынесено решение по этому делу [19. Р. 152-153]. Аналогичным образом МТР истребовал уголовные дела у властей Бельгии, Швейцарии, Замбии [22. Р. 82-83]. В целом, можно отметить, что применительно

к соблюдению принципа *ne bis in idem* в отличие от принципа *nullum crimen sine lege* и *ex post facto* в контексте деятельности МТБЮ и МТР критических замечаний было существенно меньше [25. Р. 93]. Так, по мнению Михайлова Н.Г., «толкование Судьями трибунала по бывшей Югославии принципа *pop bis in idem* не расходится с общепринятым и способствует лучшему уяснению его содержания и вытекающих из него требований» [5. С. 18].

Вопрос соотношения юрисдикции в Римском статуте решен иначе: здесь зафиксирован принцип дополнительного характера международного уголовного правосудия. В ст. 1 Статута указано, что Суд «дополняет национальные органы уголовной юстиции». Ряд авторов предпочитают говорить о «взаимодополняемости» Суда и органов национальной уголовной юстиции; в процессе их взаимодействия данному принципу отводится роль ключевого [15. Р. 162]. Принцип комплементарности предполагает, что МУС дополняет национальные системы уголовного правосудия лишь в тех случаях, когда соответствующие судебные органы или не могут функционировать надлежащим образом, или их деятельность оказывается неэффективной. В частности, статья 17 Римского статута перечисляет ситуации, когда дело не может быть принято Судом к производству:

- если данное дело расследуется или в отношении его возбуждено уголовное преследование государством, которое обладает в отношении его юрисдикцией, за исключением случаев, когда это государство не желает или не способно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом;

- если государство, обладающее юрисдикцией в отношении данного дела, провело расследование и решило не возбуждать уголовного преследования, кроме случаев, когда это решение стало результатом нежелания или неспособности государства возбудить уголовное преследование должным образом;

- если лицо уже было судимо за преступления, входящие в юрисдикцию Суда, кроме случаев, когда судебное разбирательство было проведено для того, чтобы оградить соответствующее лицо от ответственности за данные преступления, или не являлось независимым и беспристрастным.

⁸ Prosecutor v. Tadić, Decision on the Defence Motion on the Principle of Non Bis in Idem, Case No. IT-94-1-T, T. Ch. II, 14 November 1995, § 1.

В тексте Римского статута уточняются используемые в тексте ст. 17 термины «нежелание» и «неспособность». Установлению Судом в каждом конкретном случае нежелания государства вести расследование или возбуждать уголовное преследование способствует наличие следующих факторов:

- судебное разбирательство было проведено либо решение было вынесено национальным судом с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, входящие в предметную юрисдикцию Суда;
- имела место необоснованная задержка с проведением судебного разбирательства, которая свидетельствует об отсутствии у государства намерения предать соответствующее лицо правосудию;
- судебное разбирательство не проводилось или не проводится независимо и беспристрастно и порядок, в котором оно проводилось или проводится, является несовместимым с намерением государства предать соответствующее лицо правосудию.

В правовой литературе обращалось внимание на то, что термины «неспособность» и «нежелание» носят условный характер и предполагают вынесение в каждом конкретном случае решения на основе субъективных оценок, что предопределяет вывод о том, что «расплывчатые формулировки» п. 3 ст. 20 Римского статута делают ее «слабой» [9. Р. 3]. В целом, мнение международных трибуналов и Международного уголовного суда, действительно, подразумевает вынесение оценочного суждения в отношении независимости и беспристрастности национального судебного разбирательства. В случае с международными органами *ad hoc* воспринятый формат их приоритетной юрисдикции («*primacy clause*») был обусловлен индивидуальными обстоятельствами конкретной ситуации – будь то крах судебного аппарата в Руанде, организационные сложности в судах в бывшей Югославии или признаваемое самими властями Камбоджи и Сьерра-Леоне отсутствие возможности провести полноценный судебный процесс

в данных государствах. Иными словами, трибуналами *ad hoc* предполагалось компенсировать неэффективную на тот момент – в силу ряда причин – национальную судебную систему. В случае с МУС приоритет отдается государствам с учетом их суверенитета в области осуществления уголовного правосудия, поскольку недостатки их судебной системы не презюмируются; однако если Суд выявит и констатирует такие изъяны, МУС может осуществить свою юрисдикцию, признав дело приемлемым [12. Р. 870].

Таким образом, положения ст. 17 Римского статута предоставляют возможность привлекать виновных лиц к уголовной ответственности в первую очередь в рамках национальных правовых систем, и только в случае их бездействия или неэффективности может быть задействован механизм Международного уголовного суда [23. Р. 428-432]. Эта оригинальная институциональная система представляет собой баланс между стремлением предотвратить потенциальную возможность безнаказанности, ухода от ответственности и желанием государств сохранить суверенитет, независимость, нежеланием «позволить международному органу посягать на их священную судебную власть» [27. Р. 170].

Иной аспект приобретает принцип *ne bis in idem* в случае кумулятивных обвинений, т.е. ситуации, когда одно и то же преступление, вменяемое лицу, подпадает под два и более пункта обвинения. Можно выделить четыре разновидности данного института: 1) вменение лицу в вину двух и более преступных деяний на базе одних материальных фактов (наиболее распространенная форма); 2) «излишнее обвинение», при котором один или более пунктов обвинения соотносятся с другим как общее и частное⁹ [4. С. 26, 28]; 3) включение в обвинительное заключение идентичных составов, относящихся тем не менее к различным категориям преступных деяний (например, убийство как преступление против человечности и убийство как военное преступление)¹⁰; 4) вменение лицу одного и того же

⁹ Такой формат обвинений встречается, в частности, в деле Купрешкича: «С того момента, как все элементы преступления меньшей тяжести имеют место при совершении преступления большей тяжести, осуждение за более тяжкое преступление целиком и полностью включает в себя ответственность за менее тяжкое» (*Le Procureur c. Kupreskić et consorts* (IT-95-16) «*Vallée de la Lašva*». *Mémoire de l'Appelant*. IT-95-16-A. § 494).

¹⁰ Так, например, в деле Д.Тадича изнасилование обвиняемым женщины-заключенной в лагере Омарска было квалифицировано по 3 составам как: 1) серьезное нарушение Женевских конвенций согласно ст. 2 (с) Устава МТБЮ (умышленное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья или нанесение ущерба здоровью); 2) нарушение законов и обычаев войны (жестокое обращение) согласно ст. 3 Устава МТБЮ; 3) преступление против человечности согласно ст. 5 (g) Устава МТБЮ.

противоправного деяния одновременно по национальному законодательству и международному праву [24. Р. 73-146]. Представляется, что кумулятивное обвинение, особенно его четвертая разновидность, может вступать в противоречие с принципом *ne bis in idem*. Этот подход был воспринят в решении Чрезвычайных палат в судах Камбоджи в деле против Кан Гиеав, бывшего председателя центра безопасности красных кхмеров в Пномпене. По мнению судей Чрезвычайных палат, «преступления умышленного убийства и пыток, предусмотренные национальным уголовным кодексом, не поглощаются аналогичными международными преступлениями»¹¹; отсюда следует, что обвинение лицу может быть предъявлено на базе одних и тех же деяний по двум правовым системам. В практическом плане принцип *ne bis in idem* будет задействован в таком случае при определении меры наказания, поскольку как правило, проблема кумулятивного обвинения встает именно на этом этапе. Лицо может быть признано виновным по неограниченному количеству пунктов обвинения с идентичной фактической основой без нарушения принципа *ne bis in idem* при условии, что наказание не будет назначено за каждый состав в отдельности [4. С. 25-26]. Как отмечается в доктрине, применительно к принципу *ne bis in idem* «в сфере правосудия трудности еще больше усугубляются тем фактом, что военные преступления, преступления против человечности и геноцид по своей природе представляют собой совокупность нескольких преступлений. Если только обвиняемый на первом судебном процессе не будет признан виновным или оправдан во всем, что он сделал или не сделал, почти всегда существует вероятность того, что тщательный или чрезмерно усердный прокурор выдвинет дополнительные обвинения в национальной судебной системе. Этот риск особенно велик, когда национальные власти недовольны результатом международного судебного разбирательства, результатом которого является оправдание или мягкий приговор» [21. Р. 369-390].

Однако, как свидетельствует практика Суда, даже в случае вынесения обвинительного приговора МУС возможно и иное развитие ситуации. Это наглядно проявилось в случае с Ж. Катанга (Germain Katanga), дело которого было рассмотрено Международным уголовным судом¹². Характерно, что еще на этапе решения вопроса о приемлемости данного дела в доктрине уже были высказаны критические замечания применительно к позиции МУС [18. Р. 331-342].

Ж. Катанга был признан виновным в совершении преступлений против человечности и военных преступлений в населенном пункте Богоро региона Итури (Демократическая Республика Конго) и приговорен к 12 годам лишения свободы¹³. Факт признания МУС лица виновным по смыслу ст. 20 Римского статута предполагает запрет на последующее уголовное преследование за те же деяния, однако на практике обстоятельства сложились именно так. После отбытия части срока наказания Ж. Катанга был отправлен в ДРК для отбытия оставшегося срока¹⁴, где в отношении него национальными властями было возбуждено уголовное дело по тем же деяниям, которые легли в основу приговора МУС (преступления против человечности, военные преступления). Такой сценарий допускается ст. 108 Римского статута в сочетании со ст. 214 Правил процедуры и доказывания МУС; так п. 1 ст. 108 предусматривает:

«Лицо, которому вынесен приговор и которое находится под стражей в государстве исполнения приговора, не подлежит уголовному преследованию или наказанию либо выдаче третьему государству за любые деяния, совершенные этим лицом до его передачи государству исполнения приговора, если только такое уголовное преследование, наказание или выдача не были утверждены Судом по просьбе государства исполнения приговора».

Таким образом, МУС должен «утвердить», то есть разрешить (одобрить) начало последующего уголовного преследования лица, осужденного ранее Судом. Такое «разрешение» или «одобрение» («Authorization

¹¹ The Prosecutor v. Kaing Guek Eav «Duch». Decision on appeal against closing order indicating Kaing Guek Eav alias «Duch». 001/18-07-2007-ECCC (PTC 02). 2008, 5 dec. § 85.

¹² Prosecutor v. Katanga. Case No. ICC-01/04-01/07.

¹³ В рамках апелляционного рассмотрения срок заключения был сокращен на 3 года 8 месяцев.

¹⁴ Это, в частности, предусматривалось Соглашением между ДРК и МУС об отбытии Ж.Катангой оставшегося срока наказания в ДРК от 24 ноября 2015 г.

Decision») на уголовное преследование Высшим военным судом ДРК («Haute Cour Militaire») Международный уголовный суд дал властям ДРК в апреле 2016 г.¹⁵ Оно было основано на предоставленных ДРК Суду документах, содержащих описание предполагаемого судебного преследования, включая изложение фактических и юридических аспектов, а также на принципе дополнительности, в соответствии с которым центральное место в уголовном преследовании отводится государствам, а МУС должен только дополнять органы национального уголовного правосудия. Таким образом, после окончания срока наказания согласно приговору МУС (январь 2016 г.) Ж. Катанга не был освобожден из-под стражи в силу нового уголовного преследования, инициированного властями ДРК. Подсудимый подал заявление о пересмотре указанного «разрешения», однако Апелляционная палата МУС признала запрос неприемлемым к рассмотрению без разъяснений причин¹⁶. Применительно к вопросу о том, в каком случае «разрешение» по смыслу ст. 108 может быть дано, а каком – нет, Президиум Суда признал, что указанная статья не содержит четких критериев, которыми можно было бы руководствоваться в процессе принятия решения, однако отметил, что в выдаче такого «разрешения» может быть отказано только в том случае, если это повлияет на целостность Суда или может подорвать основополагающие принципы его деятельности¹⁷.

В документах, представленных в МУС, ДРК указывала, что данным уголовным преследованием принцип *ne bis in idem* нарушен не будет, поскольку в основу преследования лягут не те преступления, по которым он был признан виновным МУС. Здесь важно отметить терминологический нюанс: в п. 2 ст. 20 Статута («*ne bis in idem*») запрещается повторное (после МУС) преследование за *преступление* («*crime*»), а ст. 108 Статута допускает с согласия МУС последующее

привлечение к ответственности за *поведение*¹⁸ («*conduct*»), что терминологически не является тождественным. Аргументируя, в том числе, этим смысловым различием, ДРК обосновывала отсутствие потенциального нарушения право Ж. Катанги не быть судимым дважды *in idem* [26. Р. 16–20]. Отметим, что ни ДРК, ни МУС не дают разъяснения, в чем будет различие между составами преступлений, явившихся основанием для уголовного преследования в рамках МУС и теми, которые ему будут вменены в ДРК. Вместо того, чтобы дать толкование содержательного различия терминов «*crime*» и «*conduct*», Суд ограничился тем, что перечислил, в каких преступлениях МУС обвинял подсудимого и затем сделал ничем не подкрепленный вывод, что преследование в ДРК будет осуществляться не за эти преступления¹⁹. Этот вывод представляется крайне спорным также по той причине, что все обвинения со стороны ДРК, обосновывавшей необходимость дальнейшего судебного разбирательства в рамках национальной судебной системы, были весьма расплывчатыми, неопределенными, нечеткими, на что подсудимый неоднократно обращал внимание Суда²⁰. При этом МУС не стал настаивать на получении более подробной информации о юридической стороне данного уголовного дела и ограничился заверениями ДРК, что в основу лягут иные преступления. Исходя из того, что в рамках национального уголовного разбирательства Ж. Катанге были снова предъявлены обвинения в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, единственным возможным объяснением может служить то, что в основу обвинения легли иные действия, совершенные подсудимым не в Богоро (МУС рассматривал только преступления, совершение в этом населенном пункте) [21. Р. 369–390]. Однако такой достаточно поверхностный подход Суда к вопросу четкого разграничения составов преступлений, вменяемых в

¹⁵ Decision pursuant to Article 108 (1) of the Rome Statute, Katanga (ICC-01/04-01/07-3679), ICC Presidency, 7 April 2016. URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2016_02675.PDF (дата обращения 09.12.2023).

¹⁶ Decision on the admissibility of Mr. Katanga's appeal against the "Decision pursuant to article 108 (1) of the Rome Statute, Katanga (ICC-01/04-01/07 OA 15), Appeals Chamber, 9 June 2016.

¹⁷ Decision pursuant to Article 108 (1) of the Rome Statute, Katanga (ICC-01/04-01/07-3679), ICC Presidency, 7 April 2016, para. 20.

¹⁸ В тексте Римского статута на русском языке «*conduct*» переводится как «*деяние*».

¹⁹ Decision pursuant to Article 108 (1) of the Rome Statute, Katanga (ICC-01/04-01/07-3679), § 24–25.

²⁰ Declaration Katanga, (ICC-01/04-01/07-3666) Annex V to the Rapport du Greffe dans le cadre des consultations entre la Présidence de la Cour et les autorités congolaises sur l'application de l'article 108 du Statut de Rome.

вину в рамках МУС и впоследствии в рамках судебной системы ДРК, вызвал критические замечания, был охарактеризован как «вызывающий беспокойство» [11. Р. 48]. Сам Суд аргументировал свою позицию тем, что, применяя ст. 108, он не мог расширить сферу ее действия, поскольку она содержит запрет на судебное преследование лишь за преступление, указанное в ст. 5 Статута, за которое данное лицо уже было осуждено или оправдано Судом²¹.

Помимо этого, чтобы убедить Суд дать «одобрение» по ст. 108 Статута, власти ДРК также дали письменные гарантии, что хотя за совершение преступлений против человечности и военных преступлений в их государстве предусмотрена смертная казнь, к Ж. Катанге она применяться не будет²². Однако в своих заявлениях, поданных Суду, Ж. Катанга отмечал, что имеет обоснованные опасения ожидать несправедливого судебного разбирательства в силу ряда причин: непредоставление правовой защиты и гарантий, отсутствие возможности апелляции в системе органов военной юстиции²³. Эти аргументы, впрочем, не были приняты Судом во внимание (некоторые исследователи характеризуют это как то, что «Суд отмахнулся («brush aside») от этих доводов») [21. Р. 385] с достаточно странной аргументацией, что МУС не является контрольным органом по защите прав человека, не может в этом вопросе надзирать за ДРК, но исходит из того, что, будучи участником Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ДРК будет соблюдать права Ж. Катанги в местах заключения²⁴. Эта аргументация выглядит откровенно слабой и поверхностной, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что Ж. Катанга воевал в ходе вооруженного конфликта в ДРК на стороне ополчения (чего члены МУС не могли не знать), что и лежит в основе столь активного стремления ДРК привлечь его к ответственности национальными судебными органами и даже практики угроз прервать любое дальнейшее сотрудничество с МУС в случае, если предстоящее национальное уголовное

преследование Ж. Катанги не будет одобрено Судом на основании ст. 108 Римского статута [20].

Рассмотренная ситуация демонстрирует наличие как юридических, так и политических проблем в части применения Римского статута. Предусмотренный запрет повторного привлечения к ответственности национальными судебными органами лица за те же деяния после вынесения приговора Международным уголовным судом, предусмотренный ст. 20 Статута и не предусматривающий исключения из этого правила, на практике оказывается нарушенным применением ст. 108 Статута. Очевидно, что принятие двух противоречащих друг другу статей в рамках одного документа не могло быть намеренным, из чего можно сделать вывод, что применение ст. 108 Статута не предполагалось в контексте ответственности лица *in idem*. Однако на практике это привело именно к такому результату, что стало возможным в силу политических моментов. Для Суда приоритетным оказалось сохранение дальнейшего сотрудничества с государством-участником Статута, что привело к тому, что он решил пожертвовать «меньшим» (перспективой проведения судебного процесса над лицом *in idem* в нарушение ст. 20 Статута), при этом явно дистанцируясь от предстоящего судебного процесса и «закрывая глаза» на факты нарушения прав подсудимого, для сохранения «большого» - сотрудничества ДРК с МУС.

Заключение

Принцип *ne bis in idem* осуществляет несколько задач: обеспечение лицу гарантии от повторного привлечения к уголовной ответственности, а также решение вопроса выбора юрисдикции – либо в пользу национального судебного органа, либо международного. Таким образом, лицо не может быть судимым дважды за одно и то же деяние. Определенные исключения из этого общего правила допускаются Римским статутом МУС для недопущения проведения

²¹ Decision pursuant to Article 108 (1) of the Rome Statute, Katanga (ICC-01/04-01/07-3679), § 23.

²² Ibid., § 28.

²³ Further matters concerning the «Preliminary observations made by the defence concerning the continued and unlawful detention of Mr. Germain Katanga by the Democratic Republic of Congo», 25 January 2016, ICC-01/04-01/07-3638-Red; ICC-01/04-01/07-3640, §7; Final Observations, § 39.

²⁴ Decision pursuant to Article 108 (1) of the Rome Statute, Katanga (ICC-01/04-01/07-3679), § 33.

национальными судебными органами заведомо фиктивных процессов с целью избежания наказания. Однако проведенное исследование выявляет и иной вариант, когда принцип *ne bis in idem* может быть нарушен – если МУС применит ст. 108 Статута, не получив гарантий от государства-члена, что предстоящий национальный судебный процесс будет охватывать иные преступления чем те, которые лежали в основе обви-

нений по делу в рамках МУС. В этом случае действия Международного уголовного суда не будут способствовать его оценке в качестве беспристрастного, неполитизированного органа, одной из задач которого провозглашена «решимость создать прочные гарантии уважения к осуществлению международного правосудия и обеспечения его соблюдения».

Литература:

1. Игнатенко Г.В. Запрет повторного привлечения к ответственности (*non bis in idem*) как общий принцип права // Российский юридический журнал. 2005. № 1 (45). С. 75-87.
2. Игнатенко Г.В. Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия. Сборник научных публикаций за сорок лет (1972–2011 годы). М., 2012.
3. Кибальник А.Г. Преступление и ответственность в международном уголовном праве. Ставрополь, 2002.
4. Копылова Е.А. Кумулятивное обвинение в практике органов международной уголовной юстиции // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 3. С. 25-28.
5. Михайлов Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии как институт международной уголовной юстиции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10. М., 2006.
6. Пономарева В.В. Принцип *ne bis in idem*: особенности происхождения и современного толкования // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXII международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.Н. Цуканов. Т. 1. Красноярск, 2019. С. 78–82. DOI: 10.51980/2019_1_78.
7. Рабцевич О.И. Принцип однократности привлечения к ответственности за одно правонарушение (*ne bis in idem*): международные и внутригосударственные аспекты // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 4. С. 17-23.
8. Рундквист А.Н. Взаимосвязь принципа справедливости с правовыми аксиомами // Юридические исследования. 2020. № 10. С. 64-78. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.10.33504.
9. Ambos K. General Principles of Criminal Law in the Rome Statute // Criminal Law Forum. 1999. Vol. 10. No. 1. P. 1-32.
10. An Introduction to International Criminal Law and Procedure / Ed. by R. Cryer, H. Friman, D. Robinson, E. Wilmshurst. Cambridge University Press. 2007.
11. Anderson K., Sinclair-Blakemore A. *Ne bis in idem*, *nulla poena sine lege* and Domestic Prosecutions of International Crimes in the Aftermath of a Trial at the International Criminal Court // International Criminal Law Review. 2021. Vol. 21(1). P. 35-66. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718123-21010001>.
12. Bernard D. *Ne bis in idem* —Protector of Defendants' Rights or Jurisdictional Pointsman? // Journal of International Criminal Justice. 2011. Vol. 9. Issue 4. P. 863–880. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqr018>.
13. Bernard D. *Juger et juger encore les crimes internationaux. Etude du principe Ne bis in idem*. Larcier. 2014.
14. Cassese A. International Criminal Law. Oxford University Press. 2008.
15. Commentary on the Rome Statute of International Criminal Court: Observers' Notes, Article by Article / Ed. by O. Triffterer. 2nd edition. Beck/Hart. 2008.
16. Conway G. *Ne bis in idem* and the International Criminal Tribunals // Criminal Law Forum. 2003. Vol. 14. No 4. P. 351–383.
17. De Than, C., Shorts, E. Double Jeopardy – Double Trouble // The Journal of Criminal Law. 2000. Vol. 64. Issue 6. P. 624-641.
18. Jacobs D. The Importance of Being Earnest: The Timeliness of the Challenge to Admissibility in Katanga // Leiden Journal of International Law. 2010. Vol. 23. Issue 2. P. 331-342.
19. Klip A., Sluiter G. Annotated Leading Cases of International Criminal Tribunals. Volume I: The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia 1993 – 1998. Intersentia. Hart. Verlag Osterreich. 1999.
20. Labuda P. Complementarity Compromised? The ICC Gives Congo the Green Light to Re-Try Katanga // *Opinio Juris*. 2016. URL: <http://opiniojuris.org>.
21. Labuda P. The Flipside of Complementarity: Double Jeopardy at the International Criminal Court // Journal of International Criminal Justice. 2019. Vol. 17. Issue 2. P. 369-390. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqz019>.
22. Mégret F. Le tribunal penal international pour le Rwanda. Pedone-Paris. 2002.

23. Nsereko D. The ICC and Complementarity in Practice // *Leiden Journal of International Law*. 2013. Vol. 26. Issue 2. P. 427-447.
24. Olusanya O. Double Jeopardy Without Parameters: Re-characterization in International Criminal Law. Intersentia. 2004.
25. Raimondo F.O. General Principles of Law in Decisions of International Criminal Courts and Tribunals. Martinus Nijhoff Publishers. 2008.
26. Rastan R. What is «Substantially the Same Conduct»? Unpacking the ICC’s «First Limb» Complementarity Jurisprudence // *Journal of International Criminal Justice*. 2017. Vol. 15. Issue 1. P. 1-29. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqx004>.
27. Solera O. Complementary jurisdiction and international criminal justice // *International Revue of the Red Cross*. 2000. Vol. 84. No. 845. P. 145-171.
28. Theofanis R. The doctrine of Res Judicata in International Criminal Law // *International Criminal Law Review*. 2003. Vol. 3. Issue 3. P. 195-216. DOI: <https://doi.org/10.1163/157181203322599101>.
29. Wyngaert C., Stessens G. The International Non Bis In Idem Principle Resolving Some of the Unanswered Questions // *International and Comparative Law Quarterly*. 1999. Vol. 48. Issue 4. P. 779–804. DOI: [10.1017/S0020589300063685](https://doi.org/10.1017/S0020589300063685).

NE BIS IN IDEM PRINCIPLE: CURRENT PROBLEMS OF IMPLEMENTATION IN INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Introduction. *The individual criminal liability is characterized by several principles that clarify its international legal content. In this article, the author focuses on the principle of prohibiting the repeated prosecution of a person for the same crime (ne bis in idem principle). It seems appropriate to consider not only the history of fixing this principle in the international law, but also the features of its content, legal nature, as well as to identify the problems arising along the enforcement practice. The issue of the risk of repeated prosecution of the individual for the same crime gets a great importance considering the international criminal justice institutions operating alongside national judicial systems.*

Materials and methods. *The study is relied on the following general scientific and special methods of knowledge: historical, legal, comparative legal, the method of logical and structural analysis, systemic approach.*

Research results. *The analysis of the international law, academic research and enforcement practice made possible to identify some differences in the ne bis in idem principle as formulated in the*

acts of ad hoc international criminal tribunals and in the Rome Statute of the International Criminal Court. The problems of applying of the ne bis in idem principle in the practice of the ICC in Katanga were identified, specifically in the Court’s interpretation of Art. 108 of the Rome Statute, which allows us to conclude that this principle has been violated.

Discussion and conclusion. *An analysis of the ne bis in idem principle leads us to conclusion that its sine qua non character is applicable only to the national jurisdiction, but not to the jurisdiction of another state as well as it doesn’t automatically cover the decisions made by foreign judicial authorities. As for international criminal justice, here the principle of ne bis in idem plays a greater role as a regulator (pointsman), determining the choice of the jurisdiction rather than as a guarantee of the rights of the accused.*

Alexandra Yu. Skuratova,
PhD in Law, Associate professor,
International Law Chair, MGIMO University,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

ne bis in idem, res judicata, национальная юрисдикция, иностранная юрисдикция, трибуналы ad hoc, Международный уголовный суд, индивидуальная уголовная ответственность.

Keywords:

ne bis in idem, res judicata, national jurisdiction, foreign jurisdiction, ad hoc tribunals, the International Criminal Court, individual criminal responsibility.

References:

1. Ignatenko G.V., 2005. Zapret povtornogo privlecheniya k otvetstvennosti (non bis in idem) kak obshchii printsip prava [The prohibition of re-prosecution (non bis in idem) as a general principle of law]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal [Russian law journal]*. No. 45. S. 75-87.
2. Ignatenko G.V., 2012. Mezhdunarodnoe pravo i vnutrigosudarstvennoe pravo: problemy sopryazhennosti i vzaimodeistviya. Sbornik nauchnykh publikatsii za sorok let (1972–2011 gody) [International Law and national law: problems of conjugation and interaction. Collection of scientific publications over 40 years (1972–2011)]. Moscow.
3. Kibal'nik A.G., 2002. Prestuplenie i otvetstvennost' v mezhdunarodnom ugovnom prave [Crime and responsibility in international criminal law]. Stavropol'.
4. Kopylova E.A., 2012. Kumulyativnoe obvinenie v praktike organov mezhdunarodnoi ugovnoi yustitsii [Practice of cumulative charging in international criminal justice institutions]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya [International criminal law and international justice]*. No. 3. S. 25–28.
5. Mikhailov N.G., 2006. Mezhdunarodnyi ugovnyi tribunal po byvshei Yugoslavii kak institut mezhdunarodnoi ugovnoi yustitsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.10. [International criminal tribunal for the former Yugoslavia as an institution of international criminal justice]. Moscow.
6. Ponomareva V.V., 2019. Printsip ne bis in idem: osobennosti proiskhozhdeniya i sovremennogo tolkovaniya [Ne bis in idem principle: features of origin and modern interpretation] in *Current problems in the fight against crime: issues of theory and practice: Proceedings of the XXII International Scientific and Practical Conference*. Krasnoyarsk, S. 78–82. DOI: 10.51980/2019_1_78.
7. Rabtsevich O.I., 2010. Printsip odnokratnosti privlecheniya k otvetstvennosti za odno pravonarushenie (ne bis in idem): mezhdunarodnye i vnutrigosudarstvennye aspekty [The principle of one-time prosecution for the same offense (Ne bis in idem): international and national aspects]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya [International criminal law and international justice]*. No. 4. S. 17–23.
8. Rundkvist A.N., 2020. Vzaimosvyaz' printsipa spravedlivosti s pravovymi aksiomami [The relationship between the principle of justice and legal axioms]. *Yuridicheskie issledovaniya [Legal studies]*. No. 10. S. 64–78. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.10.33504.
9. Ambos, K., 1999. General Principles of Criminal Law in the Rome Statute. *Criminal Law Forum*. Volume 10. No. 1. P. 1-32.
10. An Introduction to International Criminal Law and Procedure / Ed. by R. Cryer, H. Friman, D. Robinson, E. Wilmshurst. Cambridge University Press. 2007.
11. Anderson, K., Sinclair-Blakemore, A., 2021. Ne bis in idem, nulla poena sine lege and Domestic Prosecutions of International Crimes in the Aftermath of a Trial at the International Criminal Court. *International Criminal Law Review*. Volume 21 (1). P. 35-66. <https://doi.org/10.1163/15718123-21010001>.
12. Bernard, D., 2011. Ne bis in idem — Protector of Defendants' Rights or Jurisdictional Pointsman? *Journal of International Criminal Justice*. Volume 9. No. 4. P. 863–880. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqr018>
13. Bernard, D., 2014. Juger et juger encore les crimes internationaux. Etude du principe Ne bis in idem. Bruxelles.
14. Cassese, A., 2008. International Criminal Law. Oxford.
15. Commentary on the Rome Statute of International Criminal Court: Observers' Notes, Article by Article. Ed. by O. Triffterer. 2nd edition. Beck/Hart. München, 2008.
16. Conway, G., 2003. Ne bis in idem and the International Criminal Tribunals. *Criminal Law Forum*. Volume 14. No 4. P. 351–383.
17. De Than, C., Shorts, E., 2000. Double Jeopardy – Double Trouble. *The Journal of Criminal Law*. Volume 64. No. 6. P. 624-641. DOI: <https://doi.org/10.1177/002201830006400610>
18. Jacobs, D., 2010. The Importance of Being Earnest: The Timeliness of the Challenge to Admissibility in Katanga. *Leiden Journal of International Law*. Volume 23. No. 2. P. 331-342. DOI: 10.1017/S0922156510000063.
19. Klip, A., Sluiter, G., 1999. Annotated Leading Cases of International Criminal Tribunals. Volume I: The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia 1993–1998. Antwerp/Groningen/Oxford/Vienna.
20. Labuda, P., 2016. Complementarity Compromised? The ICC Gives Congo the Green Light to Re-Try Katanga. *Opinio Juris*. URL: <http://opiniojuris.org>.
21. Labuda, P., 2019. The Flipside of Complementarity: Double Jeopardy at the International Criminal Court. *Journal of International Criminal Justice*. Volume 17. No. 2. P. 369–390. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqz019>.
22. Mégret, F., 2002. Le tribunal penal international pour le Rwanda [The international criminal tribunal for Rwanda]. Paris.
23. Nsereko, D., 2013. The ICC and Complementarity in Practice. *Leiden Journal of International Law*. Volume 26. No. 2. P. 427-447. DOI: 10.1017/S0922156513000101
24. Olusanya, O., 2004. Double Jeopardy Without Parameters: Re-characterization in International Criminal Law. Oxford.
25. Raimondo, F.O., 2008. General Principles of Law in Decisions of International Criminal Courts and Tribunals. Amsterdam.

26. Rastan, R., 2017. What is «Substantially the Same Conduct»? Unpacking the ICC's «First Limb» Complementarity Jurisprudence. *Journal of International Criminal Justice*. Volume 15. No. 1. P. 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqx004>.
27. Solera, O., 2000. Complementary jurisdiction and international criminal justice. *International Revue of the Red Cross*. Volume 84. No. 845. P. 145-171.
28. Theofanis, R., 2003. The doctrine of Res Judicata in International Criminal Law. *International Criminal Law Review*. Volume 3. No. 3. P. 195-216. DOI: <https://doi.org/10.1163/157181203322599101>.
29. Wyngaert, C., Stessens, G., 1999. The International Non Bis In Idem Principle Resolving Some of the Unanswered Questions. *International and Comparative Law Quarterly*. Volume 48. No. 4. P. 779-804. DOI: 10.1017/S0020589300063685.